

Орлова Л.

16.10.91

НЕИЗВЕСТНОЕ КИНО

Конец. Орлова. — 1991. — 16 окт.

Тайна Любви Орловой осталась нераскрытой

Заснеженная двухэтажная дача в Переделкине, морозный вкусный воздух. Свист синичек, скрип шагов, тишина...

Там, за занавесками, живут боги, ты нажмешь сейчас кнопку звонка, и они появятся: Любовь Орлова и Григорий Александров...

— Ах, съемка? Тридцатилетие «Цирка»? Да, действительно... Располагайтесь, я скоро.

Она уходит, так и не узнавая тобой в полутьме прихожей, а ты бродишь по комнатам, ища, где бы тут примоститься со своими камерами, лампами и штативами, и видишь, как четко поделено пространство дома на два мира: ситчики, баночки, отделочка, занавесочки — это она. Сумрак кабинета, стеллажи, фолианты, рукописи и, конечно же, модель парусника — это он.

Свет поставлен, в дверях зашуршало, ты оглянулся и ахнул: как же она ослепительна!

— Один час, — говорит она жестко, — я жду гостя.

Вы работаете, она поглядывает на часы и через час десять порывисто встает: «Все!» Уходит переодеваться.

А потом приезжает гость — Джим Паттерсон, младенец из «Цирка», выросший в детско-го поэта, спускается Григорий Васильевич, и все садятся за стол.

— Ну, слава Богу, теперь я могу себе позволить стопочку, — говорит Любовь Петровна, улыбаясь: — Всю жизнь я «режимила»...

Она выпивает эту свою рю-

мочку и вдруг на глазах начинает стареть, мороз идет от этого зрелища по коже. Минута, три — и вместо красавицы перед тобой сидит пожилая женщина «со следами бывлой красоты».

А спустя год или два ты слышишь историю о том, как эта Орлова капризна: снимали на телевидении ее встречу с какой-то знаменитой иностранной певицей, а Любовь Петровна, мол, все на часы поглядывает, а затем извинилась, сослалась на дела и ушла — полутора часов не сняли.

И ты потом, через год или два, начнешь осознавать существование тайны полутора часов ослепительной красоты шестидесятипятилетней женщины...

А сейчас ты пьешь коньяк и чай и слушаешь, как Джим, смеясь, пересказывает разговор с подвыпившим прохожим:

— Как вы там у себя хоть живете?

— Да нормально пока.

— А с продуктами?

— Есть продукты...

— Да что я с тобой говорю, ты ведь меня все равно не понимаешь...

— Я была влюблена в Григория Васильевича, как кошка, — говорит Любовь Петровна, когда Александров уходит из-за стола: — Я бы в огонь прыгнула, с пятнадцатого этажа, если б он сказал, я на быка в «Веселых ребятах» мигом взлетела, а на просмотре материала отключилась: не селся по комнатам, я бы макушку могла себе снести де-

сать раз о любой косяк...

А потом ты откланиваешься, и Любовь Петровна с Григорием Васильевичем идут провожать тебя до калитки. Холодно, дыхание парит. Ты

оглядываешься напоследок — они со скамейки машут тебе вслед. Боги, сошедшие на землю.

Два старичка, сидящие рядышком...

